

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Х. Линц, А. Степан

**«Государственность», национализм
и демократизация**

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1997-5-2-Linz,Stepan.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

“ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ”, НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Х.Линц, А.Степан

В данной работе мы обратимся к проблеме государственности — переменной, которая явно недостаточно осмыслена в теоретическом плане, но которая имеет столь важное значение для демократии, что нуждается во всестороннем анализе. Главное внимание будет уделено соотношению между государством, нацией (нациями) и демократией ¹. Современное демократическое государство основано на [политическом] участии демоса (населения), а национализм обеспечивает то возможное определение состава демоса, при котором он может совпадать, но может и не совпадать с населением государства. Возникающие в связи с этим проблемы и будут рассмотрены ниже.

Размышляя о переходе к демократии, многие склонны полагать, что в ходе этого процесса отрицается лишь недемократический режим и с установлением демократических порядков утверждается новая легитимная система. Однако в ряде стран кризис недемократического режима сочетается с глубокими разногласиями относительно того, из чего в действительности должна состоять полития (или политическое сообщество) и какой демос или демосы (население) должны быть ее членами. Когда имеются серьезные расхождения по поводу территориальных границ государства, охватывающего данное политическое сообщество, а также по поводу того, кто имеет право быть гражданином такого государства, возникает то, что мы называем проблемой “государственности”. Потенциальные современные демократии могут значительно отличаться друг от друга с точки зрения рассматриваемой переменной — от политий, где проблема государственности отсутствует вовсе, до политий, где без ее разрешения переход к демократии невозможен.

В ранних и ставших ныне классическими трудах, посвященных различным вариантам перехода к демократии, проблема государственности практически не поднималась, так как там исследовались преимущественно процессы, происходившие в странах Южной Европы и Латинской Америки, где борьба соперничающих националистических сил внутри территориальных границ государства и вопрос о том, кому быть гражданами новой демократической политии, не играли сколько-нибудь заметной роли². Поскольку легитимность испанской государственности поддерживалась довольно успешно, вне сферы внимания теоретической литературы остались даже конкурирующие националистические движения Каталонии и Страны Басков. Именно этим и объясняется наша попытка инкорпорировать системный подход к государственности в теорию демократического перехода и консолидации [демократии]. Для решения поставленной задачи мы рассмотрим три специальных вопроса: (а) почему наличие суверенного государства является необходимым предварительным условием демократии? (б) почему строительство государства и создание нации представляют собой — исторически и умозрительно — два самостоятельных процесса? и, что наиболее важно, (в) при каких условиях нации-государства и демократия имеют сходную, а при каких — взаимопроверяющую логику развития и что в последней ситуации можно сделать для конституирования демократии?

¹ Примером может служить наиболее влиятельное исследование процессов перехода к демократии, изданное в четырех томах под редакцией Г.О.Доннелла и Ф.Шмиттера (2). В данном исследовании, где рассматриваются различные варианты перехода к демократии в странах Южной Европы и Латинской Америки, обсуждение проблем государственности и даже национализма практически отсутствует.>

Суверенное государство как предварительное условие демократии

Демократия есть форма управления современным государством. Следовательно, без государства никакая современная демократия невозможна³. Данное утверждение справедливо как в теоретическом, так и в эмпирическом плане. Чтобы понять, почему это так, давайте обратимся к некоторым основополагающим определениям государства. Классическое и четкое описание важнейших свойств государства в современных обществах было предложено М.Вебером:

“Исходные формальные характеристики государства таковы. Оно обладает административным и правовым порядком, изменяемым посредством законодательства, в соответствии с которым осуществляется организованная корпоративная деятельность административного персонала, также регулируемая законом. Эта система порядка претендует на принудительную власть не только над членами государства, гражданами, большинство которых обрело свое членство по рождению, но и в весьма значительной степени над всеми действиями, происходящими на подведомственной ей территории. Таким образом, это — обязательная ассоциация с территориальной основой. Более того, в настоящее время применение насилия считается легитимным, только пока оно дозволено государством или предписано им... Претензия современного государства на монополию применения насилия столь же существенно важна для него, как и свойства принудительной юрисдикции и непрерывности организации” (3, с. 156).

² Разумеется, как справедливо отмечают антропологи, не только современное государство, но и другие формы социальной организации, в т.ч. догосударственные (или даже безгосударственные) типы политической организации, способны использовать демократические процедуры для принятия решений. Однако подобные механизмы принятия решений коренным образом отличаются от политической демократии в том смысле, в каком мы употребляем это понятие, т.е. от системы властеобразования в современном государстве.>

В более свежем определении, сформулированном Ч.Тилли, также обращено внимание на способность государства контролировать население своей территории. Для Тилли “организация, которая контролирует население, занимающее определенную территорию, является государством, если она (а) отграничена от других организаций, действующих на той же территории; (б) независима [и] (в) ее подразделения формально согласованы между собой” (4, с. 70)⁴.

³ В том же определении Тилли говорит, что государства должны быть “централизованы”. Мы опустили данный пункт, чтобы не порождать путаницы относительно федеративных государств, которые, пока они “формально согласованы” в тиллиевском смысле, могут, разумеется, быть государствами. Прекрасный краткий анализ процесса возникновения современного государства дан в хорошо исторически и теоретически фундированной работе Дж.Поджи (5).>

Если на территории нет организации с названными государствообразующими (statelike) свойствами, правительство (даже “демократически избранное”) не в состоянии эффективно осуществлять свою претензию на монополию легитимного использования насилия на этой территории, собирать налоги (и тем самым обеспечивать какие-либо общественные службы) и поддерживать судебную систему. Как показывает проведенное нами исследование пяти сфер функционирования консолидированной демократии (6, с. 7–15), при отсутствии указанных качеств не может быть демократического управления. Таким образом, данные рассуждения логически и эмпирически ведут к тому же заключению [которое было сделано нами вначале]: отсутствие организации со свойствами современного государства (как в Сомали в 1992–1994 гг.) исключает возможность демократического управления всей территорией страны, хотя при этом могут существовать зоны сегментированной политической власти.

Если, подобно нам, принимать веберовское положение о том, что, прежде чем стать государством, организации требуется успешно осуществлять свою претензию на принудительную власть на [определенной] территории, и тиллиевский тезис о независимости как неперемennom атрибуте государства, должно быть также очевидно, что в ситуации,

когда территориальное образование не признано в качестве суверенного государства, данные непереносимые условия являются жесткими (и, как мы считаем, непреодолимыми) ограничителями демократии. Чтобы развить этот довод, обратимся к примеру Гонконга. Согласно заключенному в 1984 г. основополагающему соглашению между Великобританией и Китайской Народной Республикой (КНР), Китай приобрел фундаментальные конституционные prerogatives [в вопросах, касающихся статуса Гонконга], и потому, пока КНР не превратится в демократическую страну или не предоставит независимость Гонконгу, тот, несмотря на всевозрастающие силу и размах действующих там демократических движений, не может стать демократией.

Прекрасной иллюстрацией пределов демократизации при отсутствии государственного статуса могут служить исходная формула 1984 г. "одна страна, две системы" и соглашение, предусматривающее сохранение существующих правовой, экономической, социальной и политической систем Гонконга в течение 50 лет с 1 июля 1997 г. Руководствуясь собственными соображениями, прежде всего планами по присоединению Макао и, кроме того, Тайваня, КНР может пойти на предоставление более или менее широкой автономии и самоуправления Гонконгу как особому административному району. Но в конечном итоге решение данного вопроса остается в руках китайского правительства. Имеют шансы сохраниться лишь те институты, которые были гарантированы договором между Великобританией и Китаем, т.е. являются частью международного соглашения, и именно поэтому Пекин последовательно отвергал любые институциональные реформы, которые могли бы оказаться хотя бы подступом к тому, что мы назвали бы политической демократией в Гонконге*.

<* К примеру, если внимательно посмотреть на заложенную соглашением 1984 г. предполагаемую конституционную структуру Гонконга после 1997 г., нетрудно заметить, что она не отвечает нашим критериям демократии, поскольку правительство Гонконга будет не избираться, а назначаться Пекином из списка, совместно предложенного представителями Гонконга и КНР.>

Пример Гонконга высвечивает ту проблему, которая не обсуждалась в литературе по демократизации. Можно ли создать (или иметь) действующую демократическую политическую субсистему внутри недемократического государства? Способна ли такая субсистема существовать в общей структуре тоталитарного или посттоталитарного государства? С политической точки зрения — вероятно, нет; ведь наличие этой субсистемы будет эталоном для граждан других частей государства, видящим регион, который пользуется недоступными им свободами. Вследствие подобного диссонанса у суверенного государства будет постоянно возникать соблазн уничтожить региональные демократические институты. Но здесь есть более серьезная и принципиальная сложность конституционного плана. [Что бы ни происходило в регионах] за государством по-прежнему остается право менять политический статус любой составляющей его единицы. Разумеется, реализация данного права может вызвать острый политический конфликт, и тот факт, что цена репрессий нередко выше цены толерантности (как было обосновано Р. Далем), способен побудить суверенное государство терпеть демократические институты на какой-то части своей территории. Даже если так, разграничение сфер принятия решений, одни из которых закрепляются за тем, что мы назвали бы федеративной субъединицей, тогда как другие остаются за недемократическим центральным правительством, полностью выводит важнейшие решения из-под демократического контроля. В любом демократическом федеративном государстве граждане федеративных субъединиц безусловно имеют возможность влиять на принятие решений центра через свое участие в федеративных представительных органах. Но в системе с недемократическим центром они такой возможности лишены, и наиболее важные решения принимаются в недемократическом порядке. Следовательно, образования, подобные Гонконгу, не отвечают ни одному из выделенных Далем критериев демократической федерации: ни требованию о том, что "в федеративной системе общенациональное большинство не может взять верх над меньшинством, составляющим большинство в одной из наделенных конституционными привилегиями местных единиц" (Гонконг не обладает гарантированным конституцией привилегированным статусом); ни условию, что все единицы федерации должны быть демократическими и, тем самым, что должны уважаться все политические права отдельных граждан (7, с.115) *.

<* В той же работе можно найти краткое, но классическое обсуждение проблемы демократического федерализма и обусловленных самой его природой (но допустимых) ограничений, которые он налагает на некоторые категории демократических решений, принимаемых какой-то частью граждан (7, с. 114–126).>

В недемократических системах (вроде Индии в период британского колониального владычества) могут быть сделаны значительные шаги в направлении демократии, в частности, проводятся важные консультации с демократически избранными членами представительных органов и используются некая форма разделения властей. Но ни одна такая система не будет демократической, если исходить из нашего определения политической демократии (в случае с Индией — ввиду тех полномочий, которые оставались за Вестминстером до тех пор, пока Великобритания не признала ее независимость). Демократия требует государственного статуса. Без суверенного государства не может быть прочной демократии*.

<* В государствах, которые были поделены на несколько независимых и суверенных государств (например, Северная и Южная Корея или Тайвань и КНР), в какой-то из составляющих бывшего единого образования может быть установлена демократия, но ощущаемая элитой постоянная угроза безопасности нередко становится причиной предоставления особых полномочий военным и разведывательным организациям и других дополнительных сложностей на пути демократизации. Так, демократизация Тайваня была значительно затруднена в связи с существованием правовой фикции, в соответствии с которой Республика Китай (de facto контролирующая только Тайвань и некоторые близлежащие острова) претендовала на представительство всего китайского народа. Значительная доля мест [в тайваньском парламенте] была зарезервирована за "представителями" материка, которые в течение долгого времени были избраны от процедуры выборов. Они имели "продленные мандаты", и лишь после смерти кого-то из таких "представителей" ему на смену назначался новый. Кроме того, были запрещены любые выступления в поддержку самостоятельности государственности Тайваня. Сказка о возвращении в Китай была одним из логических обоснований длительного авторитарного правления. Показательно, что по мере развития процесса демократических преобразований в стране были ликвидированы "зарезервированные" места и "продленные мандаты" и началась открытая дискуссия по вопросу о независимости Тайваня. О последних событиях в Тайване см.: 8.>

Государства и нации: государственное строительство и создание наций

Установив, что наличие современного государства представляет собой обязательное условие демократии, посмотрим, почему строительство государства и создание нации есть взаимопересекающиеся, но в дискурсивном и историческом смыслах самостоятельные процессы. В той мере, в какой эти два процесса не являются неразделимо переплетенными между собой, — а мы покажем, что так оно часто и бывает, — их взаимодействие может породить немало проблем и для государственности, и для демократизации.

Ускорение государственного строительства связано с разложением феодализма и началом Ренессанса и Реформации (9). Оно было следствием кризиса христианской империи и соперничества между возникающими монархиями Западной, а затем Северной Европы. Как заметил великий историк Я.Буркхардт, государство было "произведением искусства" и с момента своего появления имело рукотворный характер (10). Не случайно, что при описании его возникновения обычно использовались архитектурные образы. Никаких коннотаций с органическим ростом, которые будут доминировать при обсуждении проблем национализма, данный процесс не вызывал. Государство ассоциировалось не с идеями природы и естественного зарождения, но с понятиями созидания и ремесла.

К тому моменту, когда идея нации и, в особенности, "нации-государства" захватила воображение интеллектуалов и народа, процесс государственного строительства шел уже в течение нескольких столетий. На деле, именно им во многом и

было обусловлено постепенное сокращение числа политических образований на исторической карте Европы — с нескольких сотен в 1500 г. примерно до 25 к 1900 г. (11). До Французской революции, поддержки Французской республиканской независимости на своей периферии и, позднее, поощрения Наполеоном ряда националистических движений и националистической реакции на наполеоновское господство процесс государственного строительства протекал вне какой-либо опоры на националистические чувства, идентичность или сознание*. Государства, как они возникли после XV в., не нуждались в глубокой идентификации подданных с определенными территориальными границами, историей, культурой или языком. Напротив, нередко предполагалось, что государственная идентификация и лояльность могут быть переданы посредством обычных династических браков. Иными словами, понятие верности было связано с династией, а не нацией (тем более, что во многих случаях последняя еще не была «изобретена»).

< Литература по национализму часто подспудно или открыто исходит из наличия жесткой причинной зависимости между Французской революцией и национализмом. Однако как умозрительно, так и исторически взаимосвязь между ними была гораздо сложнее. Французская революция не экспортировала национализм, а республики, созданные ею в Батавии и Гельвеции, были орудием эксплуататорских армий и французской оккупации. Если и существует связь между национализмом и Французской революцией, то она заключается в пробуждении контрреволюционной народной реакции, иногда обусловленной неспособностью династических правителей, политиков и дипломатов защитить народ, которому приходилось брать суверенитет в свои руки (как в испанском сопротивлении Наполеону). Задача обретения Францией своих «естественных границ» также была основана не столько на современных концепциях нации, сколько на интересах французского государства. Перекраивая карту Европы, Наполеон I отнюдь не стремился к созданию наций-государств, которые бы управлялись его братьями и генералами, но передавал своим родственникам и сподвижникам уже имевшиеся королевства, как это было с Испанией и Неаполем, или создавал государства, подобные Вестфалии.>

Вряд ли, однако, стоит сомневаться в том, что идентификация с государством его подданных или лояльность одному королю со стороны людей, проживавших в различных составных частях современных монархий, сопровождалась пробуждением протонационалистических чувств (12). Рано или поздно во многих странах государство стимулировало процесс зарождения государственной нации и в конечном итоге — с развитием демократии — создания наций. Здесь мы подходим к сложнейшим понятиям «нации» и «нации-государства»*.

< Хотя мы говорим об объединенных нациях мира, в действительности речь идет об объединенных государствах. Если бы марка «US» не была уже присвоена Соединенными Штатами, Организацию Объединенных Наций следовало бы называть Организацией Объединенных Государств. (В английском языке Соединенные Штаты и объединенные государства передаются словосочетанием United States. — Пер.)>

М.Вебер относил концепт «нации» к сфере ценностей, считая, что он «означает главным образом то, что от определенной группы следует ожидать проявления особого чувства солидарности перед лицом других групп» (13). Одновременно он указывал на отсутствие согласия по вопросу о том, как определять границы подобных групп и какие действия должны происходить из такого рода солидарности. Грубо говоря, нация не обязательно равнозначна народу государства (т.е. принадлежность к нации не обязательно равнозначна членству в данной политике). Понятия «нации» и «народа» могут, но отнюдь не всегда должны совпадать. Разницу между этими понятиями наглядно иллюстрирует ситуация, сохранявшаяся в послевоенной Германии вплоть до ее недавнего объединения. Имелось два германских государства, хотя многими разделялось мнение, нашедшее в конечном итоге свое воплощение в крахе ГДР и в выражении *Wir sind ein Volk**, что существует единая германская нация, поделенная между двумя государствами (14)**.

< Мы — один народ (нем.) — Пер.>

< В 1919 г. австрийское учредительное собрание высказалось (при одном голосе против) за объединение с Германией (ст.1 проекта конституции), однако победившие в первой мировой войне страны по геополитическим соображениям не допустили слияния двух государств. Нерешенность проблемы государственности ослабила демократию как в межвоенной Австрии, так и в Германии (15). >

Обратимся, однако, к некоторым более существенным отличиям между государствами и нациями. Нации лишены должностных лиц, равно как и четко установленных лидирующих ролей, хотя имеются индивиды, которые выступают носителями (по терминологии Вебера — *Träger*) национальных чувств в соответствующих движениях и националистических организациях. Нет каких-либо четких правил, определяющих принадлежность к нации, равно как и точно сформулированных прав и обязанностей, соблюдения которых можно было бы легитимным образом требовать [от членов нации]. Хотя националисты часто пытаются добиться определенных форм поведения от тех, кто идентифицирует себя с данной нацией, или от тех, кто, по мнению националистов, должен идентифицировать себя с ней, без контроля над государством желаемые ими формы поведения не могут быть законным или хотя бы легитимным образом навязаны. Нации и выступающие от их имени националистические лидеры не имеют средств, подобных полномочиям осуществлять принуждение или праву взимать налоги, которые позволяли бы им требовать повиновения; только государство может предоставить средства, необходимые для принудительного достижения национальных целей.

Таким образом, нация как таковая лишена каких-либо организационных свойств, сопоставимых с соответствующими свойствами государства. Ей не присуща независимость, у нее нет ни чиновников, ни устава, она обладает лишь возможностями, извлекаемыми из психологической идентификации образующих ее людей. Если для существования государства достаточно внешнего послушания и готовности принимать его законы, то нация нуждается в неких формах внутреннего отождествления. Б.Андерсон абсолютно прав. Без «воображаемых сообществ» нет и наций (16, с. 141).

Можно, конечно, возразить, что выкристаллизовавшаяся из националистического движения нация, даже если она не контролирует государство, в состоянии, еще не обретя государственности, осуществлять власть, использовать насилие или взимать взносы. Но во всемирной системе государств это будет означать, что она присваивает часть функций какого-то государства, подрывая существующий там порядок, так что данное государство постепенно разрушается. Для осуществления своих стремлений и ниспровержения государственной власти националисты способны создавать собственные армии, вследствие чего государство может утратить контроль над территорией. В подобной ситуации мы говорим о начале гражданской войны (или борьбы за национальное освобождение), которая может привести к созданию нового государства.

Если появление современного государства мы относим к XV столетию, то современные идеи нации и современный национализм возникли не раньше последних десятилетий XVIII в., а нации-государства приобрели ведущее значение лишь во второй половине XIX в*. И хотя исторически «нации» стали появляться в XIX в., преимущественно во второй его половине, лишь немногие из них, в т.ч. итальянцы, немцы, греки и венгры (чей опыт был в некотором роде уникальным, так как они действовали в рамках двуединой монархии), послужили основой процессов государственного строительства. Особенно показателен пример Бельгии: на определенном этапе могло показаться, что эта страна, еще с XVI в. представлявшая собой особое политическое образование и добившаяся формальной независимости от Нидерландов в 1830 г., вступила в процесс строительства нации-государства; однако под давлением фламандских националистов были созданы такие политические институты и порядки, которые превратили ее в демократическое многонациональное государство. В XIX в. венгерский национализм был одним из наиболее сильных, тем не менее корона св.Стефана распространила свою власть на многонациональное государство. Среди специалистов по истории Италии отсутствует согласие лишь относительно степени справедливости заключения о том, что Рисорджименто и объединение страны были в большей мере процессом государственного строительства под руководством К.Кавура, нежели процессом создания нации, возглавляемым Дж.Мадзини и Дж.Гарибальди (20). Хотя объединительный процесс в Германии опирался на

мощное националистическое движение, германский Рейх был плодом скорее бисмарковского государственного строительства, чем усилий националистов.

< В 1983 г., когда вышли в свет важнейшие книги Б.Андерсона и Э.Геллнера, оба ученых, исходя из разных посылок, сошлись во мнении, что национализм, как мы его определили, возник в конце XVIII в. Для Андерсона "национальная принадлежность (nationality) ... равно как и национализм — есть особого рода культурные артефакты ... Я попытаюсь доказать, что появление этих артефактов явилось результатом спонтанной ректификации сложного "коктейля" разрозненных исторических сил" (16, с. 4). Особое внимание Андерсон уделяет распространению печатного слова: "Национализм был создан печатным словом, а не наличием особого языка как таковым" (16, с. 134). Проведенный им анализ национализма в период до индустриализации в странах Северной и Южной Америки, где языковые различия не играли сколь-нибудь существенной роли, оригинален и убедителен (см.: 16, с. 47–66). С точки же зрения Геллнера, национализм был следствием индустриализации, требовавшей высокой культуры и грамотности, разделения труда и, что особенно важно, комплексной системы образования, подготовившей людей к жизни в обществе, более широком, чем местные общины. По его мнению, "императивы экзосциализации являются главным ключом к тому, почему в настоящее время государство и культура должны быть взаимосвязаны, тогда как в прошлом связь между ними была слабой, случайной, пестрой, неопределенной и часто минимальной. Сейчас она неоспорима. Именно это и составляет суть национализма и именно поэтому мы живем сейчас в век национализма" (17).

Интересное исследование, демонстрирующее, что большинство современных авторов относят появление национализма как движения и идеологии к концу XVIII в., но доказывающее значение "более широкой преемственности между досовременными этносами и этноцентризмом и возникшими позднее нациями и национализмом", можно найти в работе Э.Д.Смита (18; см. также 11; 19.>

Высшей точкой в процессе создания наций стали мирные соглашения, подведшие итоги первой мировой войны, и провозглашенный Вильсоном принцип "самоопределения". Но появившиеся после 1918 г. новые политические образования не были на деле нациями-государствами. В Чехословакии чехи и словаки составляли около 64,8% населения, немцы — 23,6%, рутены — 3,5%, евреи — 1,4% , "другие" — 6,7%. В Польше насчитывалось 69,2% поляков, 14,3% украинцев, 7,8% евреев и по 3,9% русских и немцев. В Латвии к "титულной нации" принадлежало 73,4% населения, в Литве — 80,1, в Эстонии — 87,6%. Распад трех империй на отдельные государства и перекраивание существовавших границ не были прямым следствием деятельности создающих нации движений. Большинство новых государств, возникших в соответствии с парижскими мирными соглашениями, и тех, чьи территории были увеличены, не были нациями-государствами, поскольку значительная часть их населения не принадлежала к доминирующей национальности. Чтобы это стало очевидным, достаточно перечислить некоторые из таких государств: Югославия, Чехословакия, Польша, расширившая свою территорию Румыния, Литва, Латвия.

Чувствовать себя "освобожденными" могли доминирующие нации (или части населения) новых государств, т.е. сербы, чехи, поляки, литовцы и латыши, но не те народы — если они обладали национальным самосознанием (или впоследствии выработали его), как хорваты и словенцы в Югославии, судетские немцы в Чехословакии, немцы и украинцы в Польше или даже различные национальные меньшинства в странах Балтии, — которые были им подчинены. Степень уважения или подавления меньшинств менялась в зависимости от страны. Иногда выдвигалась идея образования многонациональных государств, но она редко воплощалась в жизнь в связи с притягательностью идеи "создания нации". В действительности же трудности, с которыми столкнулись новые государства, касались вопросов успешного государственного строительства. Обратившись к историческим примерам, можно проанализировать, каким образом в целом ряде случаев приоритетное внимание, уделявшееся задаче создания нации, повлияло на нестабильность демократии, кризис, а то и последующую гибель самого государства. Из 8 новых государств, появившихся в Европе после первой мировой войны, только 3 — Финляндия, Чехословакия и Ирландия — оказались стабильными демократиями. В то же время стабильная демократия сохранилась в 9 из 15 прежних государств. Ни одно из государств, возникших на территориях разбитых Оттоманской и Романовской империй, за исключением Финляндии, не стало стабильной демократией (см.: 21) *.

< С точки зрения рассматриваемых нами проблем пример Финляндии особенно интересен. Эта страна вплотную подошла к тому, чтобы ее можно было считать гомогенной нацией-государством. Но в ней имелось шведоговорящее меньшинство. Стремясь добиться лояльности этого меньшинства по отношению к государству, Финляндия предоставила шведскому языку статус одного из государственных и даровала [его носителям] широкие гражданские права. В таких условиях шведское меньшинство без труда выработало в себе лояльность демократическому финскому государству, сохранив собственные культурные институты, легитимность которых была признана государством.>

Этот весьма печальный свод сведений о связи между попытками современных государств заняться созданием наций и устойчивостью демократии подводит нас к центральной теме настоящей работы. Ни в одной из двух блестящих книг, написанных ведущими исследователями современного национализма — Э.Геллнером и Б.Андерсоном, не уделено сколько-нибудь значимого внимания выявлению связей между национализмом, государствами и демократией*. Данным сюжетам и будет посвящена оставшаяся часть статьи.

< И действительно, в весьма обширных предметных указателях данных книг слово "демократия" даже не упомянуто. В некоторых других работах Геллнер, правда, занимался проблемой демократических порядков (см., прежде всего: 22), однако в "Нациях и национализме" его основное интеллектуальное внимание было направлено на исследование индустриализации и национализма. Во всех своих многочисленных трудах Геллнер рассматривает национализм (и демократию) как сложное побочное следствие индустриализации. Нам представляется, что геллнеровское объяснение и, особенно, основанный на эмпирических данных анализ реального процесса появления демократий, как и анализ их разновидностей, крайне функционалистичны. Помимо всего прочего, Геллнер игнорирует международный диффузионный эффект демократии, вследствие которого некоторые полииты, например Индия и многие страны британских Карибов, не пережив широкомасштабной индустриализации, стали со временем устойчивыми демократиями.>

Нации-государства и демократизация: "неудобные" факты

При каких эмпирических условиях "нации-государства" и "демократизация" имеют взаимодополняющую логику? При каких условиях логика развития одного вступает в конфликт с логикой развития другого? И если их логики противоречат друг другу, какие типы практики и институтов делают демократизацию наиболее (или, напротив, наименее) вероятной?

Многие политические мыслители и деятели считают, что веберовские государства, т.е. нации-государства, и демократия неразрывно связаны между собой как часть самих основ современных политий. Действительно, в мире, где и Франция, и Германия, и Португалия, и Греция, и Япония, и Швеция являются одновременно государствами в веберовском смысле (нациями-государствами) и демократиями, данное заключение может показаться оправданным. И все же во многих странах, которые еще не стали консолидированными демократиями, курс на создание нации-государства имеет иную логику, нежели курс на создание демократии. Под курсом на создание нации-государства мы понимаем такую стратегию, когда государственное руководство проводит, говоря словами Р.Брубейкера, "политику национализации государства" ("nationalizing state policy"), направленную на усиление культурной однородности. Сознательно или неосознанно, лидеры государства проповедают идею о том, что государство должно быть государством нации и служить ее интересам (23). Поэтому в конституциях, которые они составляют, и в реальной политической практике язык господствующей нации становится единственным государственным языком, а иногда и единственным языком, используемым в государственных учреждениях и в общедоступных (возможно, также и в частных) школах; ее религия ставится в привилегированное положение (даже если и не всегда объявляется государственной); ее культурным знакам отводится ведущее место как в государственной символике (например, при выборе государственного флага и гимна, а то и при определении качества, необходимых для службы в некоторых родах войск), так и во всех контролируемых государством средствах социализации, таких как радио, телевидение, учебники. Напротив, при курсе на демократию в процессе государственного строительства проводится политика, которая делает упор на широкое и всеобъемлющее (inclusive) гражданство, когда всем гражданам предоставляются равные личные права.

При каких эмпирических условиях логика государственной политики, направленной на создание нации, гармонирует с логикой государственной политики, нацеленной на конструирование демократии? Противоречия между этими двумя разными типами политики сокращаются, когда на деле почти все жители государства субъективно идентифицируют себя с одной нацией и эта нация фактически совпадает с населением данного государства. Названные условия будут соблюдены только в том случае, если за пределами государственных границ нет сколь-либо значимой неприсоединенной территории [населенной представителями проживающей в государстве нации], если в государстве обитает (или пробуждена) лишь одна нация и если там невелико культурное разнообразие. По сути дела лишь при таких обстоятельствах руководители правительства могут одновременно проводить курс на демократизацию и создание нации-государства. Подобное соответствие между политией и демосом способствует созданию демократической нации-государства. Оно на практике устраняет большинство проблем государственности и потому должно рассматриваться в качестве условия, облегчающего консолидацию демократии. Однако в современном мире существует крайне мало недемократических государств, которые потенциально могли бы начать переход к демократии, имея столь высокий уровень национально-государственной однородности*. Этот "неудобный" для сторонников наций-государств факт недостаточно осознается и/или должным образом не учитывается, что ведет к углублению проблем государственности.

* Например, из совокупности стран, рассматриваемых в данной работе (см.: 6), лишь Португалия, Греция, Польша, Чили, Уругвай и Аргентина начали переход к демократии, находясь в состоянии, близком к идеальной однородности "нации-государства". На месте бывших СССР, Югославии и Чехословакии к настоящему времени создано 22 государства. Население Испании, Румынии и Болгарии составляют сразу несколько наций. Многие венгры проживают за пределами Венгрии — в Румынии, Словакии и Сербии. Особый случай представляет Бразилия с ее громадным расовым и социально-экономическим разнообразием. >

Весьма часто националистические стремления политических лидеров противоречат эмпирической реальности демосов (населения) их стран. Несоответствие между полисом и демосом (polis/demos incongruence) может принимать различные формы, но все они — если не осуществить тщательно продуманных мер — создают сложности на пути демократической консолидации. Ведь имеется немало государств (не только правительств), чья легитимность ставится под вопрос. Легитимность государства начинает оспариваться прежде всего тогда, когда на его территории проживают национальные группы, требующие права на национальное самоопределение, и там, где господствующие или, если использовать советский термин, "титовские" национальные группы отрицают de facto многонациональный характер государства, отказываются от любых компромиссов с другими группами и лишают их полноценного гражданства. Другим поводом для постановки вопроса о легитимности государства может стать ситуация, когда значительное большинство граждан одного государства хочет присоединиться к другому, как правило, потому, что воспринимают его как нацию-государство и считает себя его частью (как это было с австрийцами в 1919 г. и с восточными немцами — в 1989).

Дополнительные сложности для демократии, а то и для сохранения мира между государствами возникают тогда, когда значимое меньшинство в одном государстве рассматривается (или может рассматриваться) соседним государством в качестве своей невоссоединенной части. Вероятность обострения подобного латентного конфликта возрастает, если лидеры титульной нации настойчиво пытаются проводить курс на создание нации, отталкивая меньшинства и побуждая их обращаться к соседней стране за поддержкой. Осуществление интенсивной политики нацееобразования в одной стране способно, в свою очередь, раздуть пламя крайнего национализма в соседней, что — по законам порочного круга — может подорвать легитимность и ее правительства, обвиняемого в нежелании защищать интересы "соплеменников" или в отказе от активного ирредентизма. Но что бы ни дало толчок началу ирредентистской политики, становясь доминирующей, она ложится тяжелым бременем на демократию как во внешней "отчизне" меньшинства, так и в создающем нацию соседнем государстве*.

< Проведение ирредентистской политики приводит в движение противостоящие силы внутри триады "национализирующиеся государства, национальные меньшинства и внешние отечества" (см.: 23). Так, например, армянский ирредентизм в отношении Нагорного Карабаха значительно осложнил процесс демократизации Армении. Если Ясир Арафат убедит Организацию освобождения Палестины (ООП) демократизировать Газу и Иерихон, он столкнется с сопротивлением со стороны тех, кто считает Западный берег [Иордана] подлежащей воссоединению территориям. >

Прискорбно, что в литературе, посвященной переходу к демократии и ее консолидации, игнорируется вопрос о легитимности государства, поскольку данная переменная, хотя и не всегда играет значительную роль в недемократических политиях, имеет первостепенное теоретическое и политическое значение для демократии. Ведь согласие относительно государственности логически предшествует созданию демократических институтов. Классическая формулировка этой проблемы принадлежит Р.Далю: "Мы не можем решить вопрос о правомерных масштабе и домене (domain) демократических образований, исходя из демократической теории как таковой. Как и принцип большинства, демократический процесс предполагает наличие [организационной] единицы. Критерии демократического процесса действуют при условии законности самой [организационной] единицы. (Курсив — Р.Д.) Если сама единица [не воспринимается] правомерной или законной, если ее масштаб или домен не оправданы, ее нельзя узаконить посредством одних лишь демократических процедур" (24).

Мы не считаем, что из этого важного наблюдения Далья следует, будто проблемы государственности в принципе неразрешимы. Оно означает, скорее, то, что, прежде чем формула большинства будет легитимизирована в качестве обязательной, часто бывают необходимы комплексные переговоры, пакты и, возможно, изменения территориальных границ и консоциальные соглашения. Но, как доказывает Далья, пока не будет обоснована правомерность [организационной] единицы, сама по себе настойчивость в утверждении мажоритарной формулы ничего не даст.

В этом отношении демократические режимы особенно резко отличаются от любых недемократических, будь то "авторитарные", "султанские", "тоталитарные" или "посттоталитарные". Для недемократических режимов согласие относительно территориальных границ не всегда имеет первостепенное значение. Подобный режим способен добиться на длительный промежуток времени молчаливого согласия со стороны больших групп людей, не ставя под угрозу цельность государства. Поскольку при недемократических режимах свободная электоральная конкуренция не является источником создания и поддержания центральной власти, регулярная апелляция к сепаратистским и ирредентистским устремлениям, если таковые имеются, не составляет там часть нормальной политической жизни и, соответственно, эти устремления можно просто подавить.

Совсем иным образом дело обстоит при демократии. Уже само понятие демократии предполагает согласие проживающих на данной территории граждан, как бы их состав ни определялся, по поводу процедур образования правительства, имеющего легитимное право претендовать на их послушание. Соответственно, если значительная группа людей не признает такого рода претензии легитимной, так как не хочет быть частью данной политии, сколь бы демократической та ни была, возникают серьезные проблемы на пути перехода к демократии и еще большие — на пути консолидации демократического режима.

Таким образом, степень признания населением обоснованности домена и масштаба территориального образования, его способности выступать в качестве единицы, правомочной принимать легитимные решения относительно своей возможной будущей перестройки, представляет собой ключевую переменную демократической теории. Исходя из этого можно высказать следующую гипотезу: чем выше на данной территории доля людей, ощущающих нежелание быть

членами существующей территориальной единицы, как бы та ни перестраивалась, тем сложнее консолидировать единую демократию в пределах такой единицы.

Для недемократических режимов не обязательно и согласие по вопросу о том, кто входит в число граждан государства. Национальное большинство — языковое, религиозное, этническое или культурное — часто навязывает меньшинствам свои нормы или концепцию государства. Правительству, «заявляющему, что представляет народ», нельзя бросить вызов через влиятельные институциональные каналы (такие как суды или открытые и свободные выборы), поскольку в недемократических государствах нет подобных каналов апелляции. Менее остро в политическом плане стоит там и проблема лишения меньшинств избирательных или гражданских прав — ведь при отсутствии демократии таких прав обычно не имеет никто.

Но при переходе к демократии с неизбежностью встанут два потенциально взрывоопасных вопроса: «кого считать гражданами государства?» и «как установлены нормы гражданства?» Демократия требует определения демоса. Если трактовать демос как «народ», сразу же встает вопрос: «а кто есть народ?» Немецкое слово, обозначающее «народ» — Volk, — делает очевидным, что при определении демоса не избежать проблем. Было бы проще, если бы мы могли сказать, что демос — это, скорее, граждане (со всем, что входит в понятие гражданства), нежели совокупный народ, Volk, или Нация. Но и это лишь частичное решение проблемы, поскольку дальше следует задать вопрос: «кто устанавливает гражданство и как?» При определении гражданства традиционно используются два основных принципа: jus sanguinis (право крови), т.е. приобретение гражданства по гражданству родителей, и jus soli (право почвы), т.е. приобретение гражданства исключительно вследствие факта рождения на территории страны. Существует также третий принцип, который предполагает два добровольных акта — ходатайство о предоставлении гражданства и дарование оно. Во всех трех случаях прослеживается прямая взаимосвязь между гражданством и государством. Jus sanguinis, как правило, означает, что предки того или иного человека, вне зависимости от его языка, религии, расы или субъективной идентичности, были (иногда с незапамятных времен) гражданами рассматриваемого государства. В ситуации, когда используется jus soli, связь с государством еще отчетливее — человек должен родиться в территориальных пределах государства. Понятно, что сильнее всего зависимость от государства проявляется тогда, когда гражданство основано на ходатайстве — ведь тем, кто хочет обрести гражданство, оно должно быть даровано — по закону или в качестве привилегии — именно государством.

Приведенные рассуждения возвращают нас к нашему исходному положению: современное демократическое правление неразрывно связано с государственностью. Без государства не может быть гражданства; без гражданства не может быть демократии. Данное утверждение не следует путать с гоббсовским тезисом о том, что любая форма организованного общества требует наличия государства. Как неоднократно показывали антропологи, многие типы принадлежности к сообществу (или членства в нем) не влекут за собой формального гражданства. И все же наша позиция заключается в том, что без выборов не может быть современной демократии, без гражданства — выборов и что никакое формальное членство в сообществе граждан невозможно без подтверждения его государством. Во время демократических преобразований в странах Латинской Америки и Южной Европы вопрос о том, кто относится к числу граждан государства, не вставал. Принадлежность к числу граждан определялась законами о гражданстве (подданстве), принятыми еще до установления недемократических режимов, сохранявшимися при авторитарном правлении (исключением были разве что некоторые бразильские cassados, лишенные в годы диктатуры политических прав) и не претерпевшими сколько-нибудь фундаментальных изменений в процессе демократизации. Даже в Испании, где часть крайних националистов Страны Басков и Каталонии отрицала легитимность государства, вопрос о демосе, т.е. об определении принадлежности к гражданам испанского государства, никогда не был реальной проблемой. Ни один воинствующий баскский или каталонский националист или сепаратист не был лишен правового статуса испанского гражданина. В отличие от СССР, при определении гражданства национальная принадлежность никогда не играла в Испании никакой роли. Любой испанский гражданин, вне зависимости от языка, национальной самоидентификации или места рождения, имел и имеет равные политические и гражданские права во всех территориальных единицах испанского государства.

Стартовые позиции некоторых государств Восточной Европы и бывшего Советского Союза оказались, однако, совершенно иными. Вся история распада в XX в. Австро-Венгерской и советской империй, советский экспансионизм, пришедший на смену экспансионизму нацистскому, и сопутствующие зверские изгнания и переселения народов, а также широкомасштабные перекраивания границ сделали вопросы государственности и нациообразования особенно острыми. Многие индивиды, проживающие в этой части планеты, побывали в течение жизни гражданами или подданными трех и более государств, даже не покидая тех мест, где родились. Поэтому посткоммунистическая Европа является тем регионом, где — по причинам, связанным с недавней историей, а не только с «примордиальными чувствами» — существуют разногласия по поводу того, кто относится к демосу, что есть полис и, особенно, какие [организационные] единицы считать правомерными (в том смысле, которое вкладывал в это Р.Даль) для принятия решений и обладания государственным суверенитетом. Давайте вновь обратимся к Р.Далю, процитировав еще одно его здравое замечание:

«Особенно важно, чтобы был четко установлен домен, т.е. состав лиц, образующих [организационную] единицу. В этом, безусловно, кроется та причина, по которой территориальные границы, сами по себе не столь существенные, так часто используются для определения домена [организационной] единицы, особенно если в их основе лежат очевидные исторические или географические факторы. И наоборот, чем менее четко определены домен и масштаб, тем более вероятно, что [организационная] единица, если таковая будет создана, окажется втянутой в бесконечные споры по поводу сфер компетенции, а то и в гражданские войны» (24, с. 207. Курсив — Х.Л. и А.С.).

Демократия характеризуется наличием граждан, а не подданных, и потому процесс перехода к демократии нередко ставит в центр политической жизни вопросы соотношения между полисом и демосом. Из всего сказанного выше можно вывести три заключения:

1). Чем более многонациональным, многоязыким, поликонфессиональным и поликультурным является обитающее на территории государства население, тем труднее прийти к согласию относительно основных принципов демократии и, соответственно, тем сложнее становится политическая жизнь.

2). Хотя это не означает, что в многонациональных или поликультурных государствах демократию нельзя консолидировать, однако там должны быть приложены значительные усилия по созданию демократических норм, обычаев и институтов.

3). Некоторые пути разрешения проблем государственности по своей природе несовместимы с демократией*.

* Понятно, что с точки зрения интересующих нас сюжетов проблемы государственности, вставшие перед бывшим Советским Союзом и Югославией, были гораздо острее, чем политические проблемы любой из рассматриваемых нами южноевропейских, латиноамериканских и даже восточноевропейских стран.»

В данной связи следует, наверное, полностью отдавать себе отчет в том, что мы сознательно поставили под сомнение некоторые поспешные суждения. Одну из наиболее опасных для демократии идей можно, обобщив, представить в виде максимы: "каждое государство должно стремиться стать нацией-государством и каждая нация должна стать государством". На деле же, как нам представляется, маловероятно, чтобы почти половина территорий земного шара, где еще отсутствуют демократия, когда-либо смогли стать нациями-государствами и одновременно консолидированными демократиями в том смысле, какой мы вкладываем в эти понятия.

Одна из причин сего "неудобного" факта заключается в том, что многие существующие в мире государства многонациональны, многоязычны и поликультурны*. Превратить их в нации-государства демократическими средствами крайне сложно. Когда поликультурность вмонтирована в саму структуру [общества], единственно возможными демократическими путями создания гомогенной нации-государства являются добровольная культурная ассимиляция и добровольный "выход", или мирное изменение территориальных границ при финансовой поддержке и контроле со стороны мирового сообщества и согласии всех политических лидеров. Но это воистину рискованные исходные допущения (добиться практической реализации которых демократическими методами крайне сложно).

* В начале 1970-х годов У.Коннор подсчитал, что лишь 12 из имевшихся тогда 132 государств были "по существу однородными с этнической точки зрения" (25). Дальнейшие исследования, где использовались несколько иные критерии, подтвердили незначительность числа подлинных наций-государств (26). Особенно любопытна последняя работа У.Коннора, показывающая, что в современной политической науке понятия "государство" и "нация-государство" часто употребляются в качестве синонимов, причем весьма влиятельными авторами и в рамках одних и тех же статей (27).>

Другие пути создания гомогенной нации-государства предполагают более или менее завуалированные санкции против тех, кто не говорит на национальном языке, не носит национальную одежду или не исповедует религию титульной нации. В своем классическом исследовании "От крестьян — к французам: модернизация сельской Франции, 1870–1914" Ю.Вебер подробно анализирует широкий набор мер, проводимых во имя нации-государства в школах, государственных учреждениях, а также армии и нацеленных на систематическое подавление и устранение многоязычия и поликультурности (28). Французское государство, вдохновленное якобинской идеей о единой и неделимой нации (*nation unie et indivisible*), в конечном итоге преуспело в преодолении культурной и языковой гетерогенности страны. Целенаправленный процесс построения нации французским государством оказался на удивление успешным. Гораздо более скромных успехов удалось достичь либерально-централистскому испанскому государству в XIX в., хотя мы не должны забывать о том, что не прекращавшиеся на протяжении столетий (и особенно в первые 75 лет XIX в.) усилия Испании и испанского государства выработать особую испанскую идентичность принесли хорошие результаты. С точки зрения сегодняшнего дня, подобные действия со стороны современных государств отнюдь не вызывают восхищения и представляют собой ту цену [за создание нации-государства], которую многим из нас не хотелось бы платить. Дело, однако, не в том, как мы оцениваем такого рода усилия по государственному строительству наций, а в том, насколько они плодотворны в современных условиях. Исходя из социологического анализа, мы убеждены, что вне зависимости от степени желательности данного процесса (это требует оценочного подхода) в большинстве обществ, а тем более в либеральных демократиях, любая попытка построения нации с помощью государства обречена сегодня на провал. Можно было бы привести немало причин, почему это так, но мы ограничимся лишь несколькими. В современном мире каждое общество, даже если речь идет о наименее развитых периферийных или маргинальных этнических, культурных, языковых меньшинствах, создает собственную интеллектуальную элиту, которая из эмоциональных и — не надо забывать — эгоистических соображений будет отстаивать "примордиальные" ценности и специфику. В аграрных доиндустриальных обществах, как справедливо подчеркивает Геллнер, таких элит не было. В современных условиях, когда каждая значительная группа имеет своих интеллектуалов и писателей, распространяющих национальные культуры, когда системы коммуникаций значительно расширяют возможности мигрантов поддерживать постоянную связь со своими исходными культурами и когда демократические нормы допускают определенную долю поликультурности, направленные на обеспечение однородности меры, даже если формально не противоречат демократии, вряд ли будут способствовать ее построению. Если титульная нация действительно хочет иметь нацию-государство с подлинно гомогенным населением, соблазнительным методом достижения этой цели весьма часто становится та или иная разновидность "этнической чистки".

Наше заключение относительно невозможности одновременного построения нации-государства и демократии в некоторых типах политий основано также на особенностях пространственного распределения человечества на земном шаре. При создании наций главным строительным блоком является, наверное, язык. Однако, по наблюдениям Э.Геллнера, в мире насчитывается вероятно около 8 тыс. языков, не говоря об отдельных диалектах (17, с. 44). Можно, конечно, предположить, что строительным материалом для создания наций способны стать "национальные сообщества", но если даже — ради поддержания аргументации — исходить из того, что в основе "достаточно действенного" национализма лежит лишь каждый десятый язык, в мире оказывается не менее 800 жизнеспособных национальных сообществ (17, с. 44–45). И все же главная проблема состоит не в количестве групп, а в их пространственном размещении: было бы полбеды, если бы особые культурные, языковые и религиозные группы просто распались на 8 тыс. или 800 национальностей, каждая из которых занимала бы относительно четко выделенную территорию, но они в значительной степени перемешаны и накладываются друг на друга. Подходящей метафорой [при их описании] будут не отчетливо разграниченные клетки на шахматной доске, но сложно переплетенные оттенки и переливы ткани, которую красили, предварительно связав узлом.

Давайте вкратце рассмотрим некоторые пространственные модели распределения этносов и языков в ряде стремящихся стать нациями-государствами стран. Мы не против демократических "бархатных разводов". Однако, следует отметить, что наличие относительно четких культурных границ существенно облегчает подобный раздел территорий. Латвия хотела бы стать нацией-государством. Но ни в одном из 7 наиболее крупных латвийских городов латышский язык не является родным для большинства населения. В столице стремящейся стать нацией-государством Эстонии Таллинне, довольно далеко отстоящем от границ с Россией, по-эстонски говорит едва ли половина жителей. Для этих и многих других стран простой раздел территорий, или "бархатный развод", недоступен (см.: 29, с. 434) *.

* Даже в тех случаях, когда существуют четкие культурные границы, как в русскоязычной части Крыма, отданного Н.Хрущевым Украине в 1954 г., или в регионах северного Казахстана, населенных преимущественно русскими, политикам из "опорных" наций государства обычно бывает крайне сложно допустить "сепарацию". Пример премьер-министра Клауса, который смог убедить свою партию и большинство чехов, что без словаков экономическое положение страны улучшится, довольно нетипичен.>

Некоторые аналитики были счастливы, когда 15 республик бывшего Советского Союза стали суверенными государствами, каждое из которых опиралось на "титульную" нацию, полагая, что следствием данного процесса станет появление демократических наций-государств. В действительности же многие инкубенты новых государств выступили на первых выборах с крайне националистическими (а не демократическими) лозунгами. Одной из возможных формул снижения конфликта между представителями "титульных" национальных групп и "мигрантами" является то, что Д.Лейтин называл "конкурентной ассимиляционной игрой". Суть ее заключается в том, что со временем интересы многих мигрантов из рабочего класса начинают требовать от них включения в конкурентный процесс ассимиляции, дабы повысить жизненные шансы их детей в новом окружении. Нечто подобное потенциально могло произойти с испанскими рабочими-мигрантами в культурно и экономически здоровой Каталонии. Но вероятно ли это в случае русских в Средней Азии? В 1989 г. среди жителей столицы Казахстана Алма-Аты "титульная" национальность — казахи — составляли всего 22,5%, тогда как русские — 59% (причем по-казахски из них говорили менее 1%). Аналогичным было соотношение [русских и представителей "титульной" национальности] и в столице Киргизстана Бишкеке. В ситуации такого "поселенческого

колониализма” любые надежды на добровольное создание нации-государства посредством конкурентной ассимиляции были бы тщетными. Если в подобных условиях когда-либо и появится нация-государство, это будет достигнуто недемократическими методами. Мало того, уже сама попытка создания нации-государства лишь стимулирует “колониальных поселенцев” к обращению за поддержкой к крайне националистическим российским лидерам типа В.Жириновского*.

< “Конкурентная ассимиляционная игра мигрантов” и потенциальная “игра колониальных поселенцев” в среднеазиатских республиках бывшего Советского Союза проанализированы Д.Лейтином (см.: 30). Примером крайне запутанной ситуации, где переплетены конфликты между государственными националистами, русскими меньшинствами и политическими элитами российского “отечества” может служить Казахстан (см.: 31). >

Существует и еще один факт, “неудобный” для сторонников создания наций-государств в многонациональном окружении. Немало проживающих в многонациональных государствах людей могут — из личностных соображений (или для сохранения всей совокупности возможностей в экономической сфере) — иметь множественную идентичность и противостоять эволюции в направлении этнической гомогенизации государства. Эмпирическая реальность (порождающая важные эмоциональные следствия) такова, что в современном мире многие люди в течение долгого времени идентифицировали себя более чем с одной культурой и историей, заключали межэтнические браки, имели друзей среди представителей разных национальностей, неоднократно перемещались в пределах государства. Поэтому неудивительно, что у них может быть двойственная идентичность. Националисты, как те, кто выступает от имени доминирующей в государстве национальной группы, так и те, кто отстаивает интересы притесняемых групп, хотят, чтобы люди отказались от подобной двойственной идентичности и выбрали что-либо одно. Более того, они нередко изобретают или выстраивают дихотомию там, где их раньше не было. В этом — одна из причин, почему плебисциты могут сеять такую рознь и разрушать реальные социальные связи.

Многонациональные государства и демократизация: поперек противостоящих логик

Как достичь демократии в многонациональных государствах? Безусловно, у нас есть обоснованная гипотеза относительно того, как консолидировать демократию в многонациональном окружении. Чем больше в государстве доля людей (речь идет не о тех, кто переехал туда, но остался иностранным гражданином, а о тех, кто там родился и проживает), которые лишены права гражданства и чьи жизненные шансы ущемлены этим, тем менее вероятно, что данное государство станет консолидированной демократией. Говоря более определенно, наша гипотеза заключается в том, что в многонациональном окружении шансы на консолидацию демократии возрастают, если государство проводит политику, обеспечивающую всем жителям равные гражданские права (inclusive and equal citizenship) и предоставляющую общие для всех индивидуальные права, соблюдение которых гарантируется государством.

Многонациональные государства испытывают большую, нежели другие политии, потребность в обращении к набору не мажоритарных, неплебисцитарных формул. Так, например, если группы внутри государства относительно четко разделены в пространственном отношении, может быть использован федерализм. Кроме того, государство и общество могут допустить существование разнообразных институтов отдельных национальных общин, таких как средства массовой информации и школы с преподаванием на национальных языках, обеспечив им финансирование из общественных фондов; пойти на символическое признание культурного разнообразия и законодательную поддержку множественности брачных кодексов; проявлять правовую и политическую терпимость по отношению к партиям, представляющим различные общины, а также принять всю ту совокупность политических процедур и приемов, которая была описана А.Лейпхартом в качестве “со-общественной демократии” (32). Способствовать адекватному выражению интересов пространственно рассредоточенных меньшинств будет скорее пропорциональное представительство, нежели выборы, проводимые в крупных избирательных округах по системе, когда победителем становится кандидат, набравший относительное большинство голосов (first-past-the-post elections). Некоторые адепты традиционного политического либерализма с его упором на права индивидов и универсализм выступают против любых форм коллективных прав. Но мы считаем, что сочетание коллективных прав национальностей или меньшинств в многонациональном, поликультурном обществе и государстве с охраняемыми государством правами индивидов является, наверное, наименее конфликтогенным способом артикуляции демократической политики, не нацеленной на создание нации-государства (non-nation-state policy) *.

< Интересные доводы относительно того, что некоторое представление о групповых правах по сути необходимо для самого определения ряда индивидуальных прав и отражения в них универсальных норм, содержится в работах оксфордского философа Дж.Раца, а также К.Л.Шеппеля (33; см. также 34). >

В ситуациях, когда переход [к демократии] начинается при наличии недемократической федеративной системы, стратегия построения демократического федерализма должна, вероятно, исходить из такой последовательности проведения выборов, когда первыми проходят общегосударственные выборы, позволяющие создать легитимные рамки для последующих дискуссий относительно путей демократической децентрализации политики. При проведении первых составительных выборов на уровне регионов в привилегированном положении обычно оказываются региональные националисты, и в результате могут возникнуть этнократии, а не демократия (подробнее см.: 35; 6, гл. 6, 19.). И все же конкретные пути структуризации политической жизни в многонациональном окружении должны определяться спецификой условий в каждой отдельной стране. Аналогичным образом мы считаем, что пришло время пересмотреть традиционные оценки некоторых интересных экспериментов по внетерриториальной автономии, например, самоуправления этнических или религиозных общин, таких как еврейская Кабала в Речи Посполитой, миллеты в Османской империи или “национальные курии” в поздней Габсбургской империи *. Подобные механизмы не устранят полностью конфликты в многонациональном государстве, но смягчат их и помогут сделать более жизнеспособными и государство, и демократию.

< Аналитическое и библиографическое введение к анализу этих интересных, но забытых экспериментов дано в статье Дж.Коукли (36). >

Мы также считаем, что определенное концептуальное, политическое и нормативное внимание должно быть уделено возможности существования “государств-наций”. Государства, которые нам хотелось бы назвать государствами-нациями, представляют собой поликультурные и даже многонациональные образования, но несмотря на это им удается вызывать столь сильную идентификацию и преданность со стороны граждан, которую, по мнению приверженцев гомогенных наций-государств, способны породить только последние. К подобным поликультурным и во все большей степени многоязыким государствам относятся Соединенные Штаты Америки, а также Швейцария. Ни одно, ни другое государство не является в строгом смысле “нацией-государством”, но мы полагаем, что оба они на данный момент могут быть названы “государствами-нациями”. При Дж.Неру Индии удалось добиться заметных успехов в сглаживании межнациональной напряженности путем умелого и согласованного использования консоциальных механизмов. В результате в 1950-х — начале 1960-х годов Индия стала демократическим государством-нацией. Но если в 1990-х годах индуистские националисты придут к власти и попытаются превратить Индию с ее 110 млн. мусульман в индуистскую нацию-государство, практически наверняка возрастет межобщинное насилие и возникнет серьезная угроза индийской демократии (см.: 37).

В заключение следует сказать несколько слов о политических идентичностях. Многие труды по национализму уделяют основное внимание “примордиальным” идентичностям и тому, что людям приходится выбирать между взаимоисключающими идентичностями. Однако проведенное нами исследование политических идентичностей показало две вещи. Во-первых, политические идентичности не являются неизменными и “примордиальными”, т.е. “присущими или изначально существующими; первыми по времени, самыми ранними, исконными, примитивными, первобытными”, как толкует это понятие оксфордский словарь английского языка. Скорее, они крайне изменчивы и конструируются обществом. Во-вторых, если бы националистические политики путем создания соответствующей атмосферы (а также социологи и службы, осуществляющие перепись населения, с их грубыми дихотомичными категориями) не стимулировали поляризацию, многие люди предпочли бы определять себя как имеющих множественные и взаимодополняющие идентичности *. По сути дела именно такая способность людей иметь множественные и взаимодополняющие идентичности, наряду с совместной политической “крышей” из охраняемых государством всеобщих и равных гражданских прав, и является тем ключевым фактором, который делает возможной демократию в многонациональных государствах. Но поскольку политические идентичности подвижны и непостоянны, особое значение приобретает качество демократического руководства. Политическое руководство может создать благоприятную почву для роста множественных и взаимодополняющих идентичностей, но оно способно стимулировать и рост полярных и конфликтогенных идентичностей (35). Ведь до начала созательного использования в Боснии и Герцеговине этнической чистки как средства формирования нации-государства, Сараево был многонациональным городским ареалом, чьи жители имели множественные идентичности и где уровень межконфессиональных браков был выше, чем в каком-либо другом городе мира.

* Например, в 1982 г. во время проведения опроса в Каталонии, когда респондентам была предоставлена возможность выбрать из пяти вариантов ответа: “испанец”, “в большей степени испанец, чем каталонец”, “в равной степени испанец и каталонец”, “в большей степени каталонец, чем испанец”, “каталонец”, 40% опрошенных идентифицировали себя как “в равной степени испанцев и каталонцев” (см.: 38) >

Центральный тезис настоящей статьи состоит в том, что если целью является успешная консолидация демократии, то будущие строители демократии, имеющие власть над государственным аппаратом, должны особенно тщательно учитывать специфику смешения наций, культур и пробужденных политических идентичностей на территории данного государства. При одинаковом уровне экономического развития некоторые виды демократии, осуществимые в рамках политики одного типа, оказываются невозможными, если отвечающие за государство элиты пытаются построить другой тип политики. Если территория в культурном и национальном плане разнородна, контролирующее государство элиты могут инициировать политику, которая, формально не нарушая права человека или демократические нормы Совета Европы, способна оказать такое воздействие на каждую из пяти сфер политики, которое серьезно уменьшит шансы на консолидацию демократии.

Рассмотрим, какие формы может принять подобная мажоритаристская “национализаторская” политика в каждой из сфер политики. В сфере гражданского общества она может заключаться в обязательном использовании государственного языка в школах и средствах массовой информации. В сфере политического общества могут быть приняты националистические законы о гражданстве, следствием которых станет неадекватно высокий уровень представительства доминирующей национальной группы в выборных политических органах. В сфере государственной бюрократии быстрый переход к единому государственному языку может de facto уменьшить участие других национальных групп в деятельности государственных учреждений и ограничить их доступ к этим учреждениям. В сфере правообеспечения (area of the rule of law) судебная система может подспудно давать привилегии всей совокупности обычаев, порядков и институтов потенциальной нации-государства. Наконец, в сфере экономического общества “опорной” для государства национальной группе как предполагаемому “хозяину” нации-государства могут быть предоставлены особые (или даже исключительные) права при перераспределении земли и — если проводится приватизация — наделении ваучерами. Напротив, если реальной целью действительно является демократическая консолидация, стратегия демократизации потребует применения во всех названных сферах менее мажоритаристских и более консенсуальных мер.

Последнее, что следует подчеркнуть, говоря о политике демократизации, связано с выбором времени. Потенциально сложные демократические результаты могут стать легко достижимыми только в том случае, если предварительно обоснованы, обговорены и воплощены в жизнь определенные упреждающие политические меры и действия. Если же возможность осуществления таких упреждающих мер будет упущена, сократится доступное для маневров поле, а динамика социального конфликта, вероятнее всего, начнет нарастать, делая консолидацию демократии все более проблематичной и в конечном итоге — невозможной.

Чтобы суммировать все сказанное выше о возможностях и пределах примирения идеи “нации-государства” с идеей демократизации и привлечь внимание к тому, где и когда совокупность упреждающих мер политически осуществима и служит признаком демократии, мы завершаем работу следующей таблицей. (В ней не учитывается воздействие на демократию такого фактора, как наличие “невоссоединенной” территории, так как включение данного параметра потребовало бы создания значительно более сложной таблицы.)

Таблица 1. Соотношение между государством, нацией (нациями) и демократизацией

	Установки и действия государственных лидеров “титупной нации”				
Наличие на территории государства других наций, помимо титульной	Ориентация на создание “нации-государства”	Определенная доля признания легитимности культурного разнообразия	Создание неких федеративных или квазифедеративных институтов и/или квазиконсоциальных порядков	Признание принципиальной допустимости мирной сепарации на основе демократических переговоров	Отсутствие или крайне слабое государственное руководство
Нет других наций и слабая культурная и/или этническая дифференциация	Демократическая нация-государство может легко консолидироваться и стать сильным		Возможно создание и сохранение мононационального демократического государства		
Других наций нет, но имеется значительное культурное разнообразие		Возможно создание и сохранение демократической нации-государства	Возможно создание и сохранение мононационального демократического государства		
Другая нация (нации) имеется, но не пробуждена	Демократическая нация-государство возможна	Возможно создание и сохранение демократической нации-государства			
Другая нация (нации) имеется и пробуждена	Проводимая политика порождает конфликты, делая демократию сложной, но не невозможной	Демократическая нация-государство может существовать, но будет испытывать постоянное давление, толкающее ее в направлении	Единственная демократическая возможность — создание многонационального государства. При внимательном и искусном построении демократия может	Если имеется четко определенная территориальная база, возможна мирная сепарация при сохранении демократии в обоих новых государствах	

			консолидироваться		
Другая нация (нации) имеется и активна	Проводимая политика порождает столь много конфликтов и репрессий, что демократическая консолидация почти невероятна	Демократическая нация-государство может существовать, но, чтобы стать консолидированной, должна двигаться в направлении	Единственная демократическая возможность — многонациональное государство, но добиться консолидации сложно. Давление в направлении	При отсутствии территориальной базы "бархатный развод" невозможен, и, если воинственность сохраняется, демократию нельзя консолидировать	
Ни одна группа не имеет достаточной сплоченности и идентичности, чтобы стать строителем нации					Государство невозможно и потому невозможна и демократия

1. См., прежде всего: Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 2. *The Rise of Classes and Nation-States*. N.Y., 1993.
2. O'Donnell G., Schmitter Ph., Whitehead L. (eds.) *Transitions from Authoritarian Rule*. Baltimore, 1986.
3. Weber M. *The Fundamental Concepts of Sociology*. — Parsons T. (ed.) *The Theory of Social and Economic Organization*. N.Y., 1964, p. 156.
4. Tilly Ch. *Reflections on the History of European Statemaking*. — Tilly Ch. (ed.) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975, p. 70.
5. Poggi G. *The Development of the Modern State: A Sociological Introduction*. Stanford, 1978.
6. Linz J.J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore — L., 1996.
7. Dahl R. *Democracy, Liberty, and Equality*. Oslo, 1986.
8. Chia-lung Lin. *Political Elites and Democratic Consolidation in Taiwan: Institutional Connection in a Divided Society*. (Paper presented at the First Annual Taiwan Studies Conference in North America, Yale University, 1995.)
9. Более детальное и документированное обсуждение проблемы содержится в: Linz J.J. *State Building and Nation Building*. — "European Review", 1993, vol. 1. Авторы признательны издателям "European Review" за разрешение использовать материалы данной статьи в настоящей работе. См. также: Linz J.J. *Plurinazionalismo e democrazia*. — "Revista Italiana di scienza politica", 1995, vol. 25, N 1.
10. Burckhardt J. *Die Kultur de Renaissance in Italia*. Bern, 1943. Книгу открывает раздел под названием "Der Staat als Kunstwerk".
11. Barraclough G. *The Times Concise Atlas of World History*. L., 1982, p. 79.
12. Greenfield L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, 1992.
13. Weber M. *Political Communities*. — Roth G., Wittich K. (eds.) *Economy and Society*. N.Y., 1968.
14. Lepsius M.R. *Ethnos and Demos*. — *Interessen, Ideen und Institutionen*. Opladen, 1990, S. 232–246, 250–251.
15. Simon W.B. *Democracy in the Shadow of Imposed Sovereignty: The First Republic of Austria*. — Linz J.J., Stepan A. (eds.) *The Breakdown of Democratic Regimes: Europe*. Baltimore, 1978.
16. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 1991.
17. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983.
18. Smith A.D. *National Identity*. L., 1991.
19. Hermet G. *Les nationalismes en Europe*. P., 1996.
20. Ullrich H. *Burgertum und Nationale Bewegung im Italien des Risorgimentos*. — Dann O. (ed.) *Nationalismus und Sozialer Wandel*. Hamburg, 1978.
21. См.: Linz J.J. *La Crisis de las democracias*. — Cabrera M. et al. (eds.) *Europa en crisis, 1919–1939*. Madrid, 1991.
22. Gellner E. *Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals*. L., 1994.
23. См.: Brubaker R. *National Minorities, Nationalizing States, and External Homelands in the New Europe: towards a Rational Analysis*. (Unpublished manuscript), 1994.

24. См.: Dahl R.A. *Democracy and Its Critics*. New Haven, 1989; idem. *Democracy, Majority Rule, and Gorbachev's Referendum*. — "Dissent", Fall 1991, p. 491–496.
25. Connor W. *Nation-Building or Nation-Destroying*. — "World Politics", 1972, vol. 24, p. 320.
26. Wiberg H. *Self-determination as an International Issue*. — Lewis I.M. (ed.) *Nationalism and Self-determination in the Horn of Africa*. L., 1983; Kurian G.Th. *The New Book of World Ranking*. N.Y., 1991.
27. Connor W. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding*. Princeton, 1994.
28. Weber Eu. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford, 1976.
29. См.: Lieven A. *The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*. New Haven, 1993, p. 434.
30. Laitin D. *The Four Nationality Games and Soviet Politics*. — "Journal of Soviet Nationalities", Spring 1991.
31. Olcott M.B. *Kazakhstan: A Republic of Minorities*. — Bremmer I., Taras R. (eds.) *Nations and Politics in the Soviet Successor States*. Cambridge, 1993.
32. См.: Лейпхарт А. *Со-общественная демократия*. — "Полис", 1992, № 3; Лейпхарт А. *Со-общественное конструирование*. — "Полис", 1992, № 4.
33. Raz J. *The Morality of Freedom*. Oxford, 1986; Scheppelle K.L. *Rethinking Group Rights*. (Paper prepared for a conference on the Meaning of Rights in the Former Soviet Block Countries, Budapest.) 1994.
34. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford, 1995, ch. 3, 4, 6.
35. Linz J.J., Stepan A. *Political Identities and Electoral Sequences: Spain, the Soviet Union and Yugoslavia*. — "Daedalus", Spring 1992.
36. Coakley J. *Approaches to the Resolution of Ethnic Conflict: The Strategy of Non-territorial Autonomy*. — "International Political Science Review", 1994, vol. 15, N 3.
37. Lijphart A. *The Puzzle of Indian Democracy: A Reinterpretation*. (Unpublished manuscript.) 1994; Varshney A. *Contested Meaning: India's National Identity, Hindu Nationalism and the Politics of Anxiety*. — "Daedalus", Summer 1993.
38. Linz J.J. *De la crisis de un Estado Unitario al Estado de la Autonomias*. — Rodriguez F.F. (ed.) *La Espana de la Autonomias*. Madrid, 1985.

---

1 Говоря о недостаточном теоретическом осмыслении проблемы государственности, мы имеем в виду прежде всего вопрос о соотношении внутри триады — современное государство, современный национализм и современная демократия. В то же время, безусловно, имеется ряд превосходных работ, посвященных истории государства (1).